Copyright © 2016 by the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 135–145, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-135-145
Journal homepage: http://kigiran.com/pubs/vestnik

UDC 94(510.4)

'Did a Dzungar Khanate Really Exist?': Criticism of the Article by Junko Miyawaki

Utash B. Ochirov [1]

[1] Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Leading Research Associate, Department of History, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: ochirovub@kigiran.com

Abstract. The paper analyzes the concept about the status and type of the Dzungar Khanate developed by the famous Orientalist, Junko Miyawaki-Okada. According to the scholar, the Dzungar Khanate never existed though she does acknowledge its status of a nomadic empire. The main supporting proof is the fact that its rulers (except for Galdan Boshugtu Khan) never received the title of *'Khan'* from the Dalai Lama and instead used the title *'Khong Tayiji'*. On that ground, J. Miyawaki proposes to use her authorial term *'Khong Tayiji Viceroyalty'* to denote the Dzungar Khanate. The Japanese researcher harshly criticizes 'I. Zlatkin's Russian school' for the erroneous — in her opinion — use of the term 'Dzungar Khanate'.

The research concludes that J. Miyawaki's concept is incorrect due to a number of factors, including as follows:

First of all, the term *'khanate'* is supposed to denote a specific type of nomadic state widespread in the Turco-Mongolian world, though in some cases the term may be borrowed by neighboring nomadic states or retained by ex-nomadic states that tend to or have adopted sedentary life. As for Oirat ethno-political nomadic alliances, only three of them existed long enough and, in our opinion, may be referred to as khanates: the Kalmyk (or Volga), Kokonor (or Khoshut) and Dzungar Khanates. Those possessed almost all properties of a state: an own territory and population, public nature of power and administrative apparatus, army, court, judicial legislation, tax system, one national language and script, full or partial sovereignty. Lack of such attributes as citizenship, coat of arms, anthem, etc. is insignificant — in view of the specific nature inherent to the steppe model of Oriental despotism.

Secondly, by the 18th century the titles *'Khan'* and *'Khong Tayiji'* had experienced some certain evolution. Those were bestowed not only by the Dalai Lama but also by emperors of Russia and China. In case of Chinese emperors, bestowment of the title *'Khan'* (like other titles designating princes of blood — *qinwang, junwang, beile, beise, gung*) was not accompanied by appropriation of any real power. That was only a title of honor. None of the Oirat communities headed by *Noyons* who had received from the Chinese the title *'Khan'* — were ever classified as a *'khanate'* since those had no even partial sovereignty. So, when it comes to the classification of a certain nomadic state one should pay attention not to the titles of its rulers but rather to the properties confirming its real position as a state, even if it is vassal by nature.

Thirdly, the circumstances under which the title *'Khong Tayiji'* was bestowed to Dzungar rulers should also be taken into consideration. In the 1630-1660s, the Dzungar ethno-political union followed the political trends directed by the Khoshuts, so the title *'Khong Tayiji'* adopted by Batur and his son Senge simply identified their position as second-rank leaders of the Oirat world — after Gushi Nomyn Khan and Ochirtu Tsetsen Khan. After Galdan Khong Tayiji defeated Ochirtu Khan and became the leader of Northern Central Asia, he received the title of Boshogtu Khan. His successors could not hope to obtain the title *'Khan'* due to the disfavor of the then ruler of Tibet and later that of Chinese emperors

who took control over Dalai Lamas. This is actually the reason why rulers of Dzungaria started adopting the title *'Khong Tayiji'* on their own which, over a century, merely became a tradition.

Thus, the Dzungar Khanate was actually a khanate.

Keywords: Mongol studies, Oirat studies, Kalmyks, Dzungar Khanate, Junko Miyawaki

Среди зарубежных научных школ по монголоведению за последние несколько десятилетий заметно укрепилась японская школа. Исследования японских монголоведов в большинстве своем отличаются основательностью и глубиной. Многие японские монголоведы, прежде чем приступить к научным исследованиям, в течение нескольких лет интенсивно изучают иностранные языки, как монгольские, так и тех стран, которые занимают лидирующее положение в монголоведении (в том числе русский). В ряде случаев японские монголоведы проходят длительную языковую стажировку в ареалах бытования этих языков, что позволяет им не просто понимать иностранную речь, но и различать мельчайшие нюансы, в том числе и при чтении архаичных текстов. Такой основательный подход позволил японским монголоведам-историкам, ранее лишенным доступа к большинству архивов, в которых содержались сведения по истории монгольских народов (в первую очередь китайских и российских), охватывать в ходе исследований второй половины XX — начала XXI вв. широкий круг источников. При этом японские исследователи свободны от концепций и рамок предшествующих научных школ (хотя, конечно, ознакомлены с ними), что дает им возможность рассматривать ту или иную проблему свежим «незашоренным» взглядом.

Благодаря этому, некоторым японским монголоведам-историкам в ряде случаев удавалось получить выдающиеся результаты. Если вести речь об истории ойратов, то здесь в качестве примера можно привести работу Хидэхиро Окады «Происхождение дорбен-ойратов», опубликованную на японском языке в 1974 г., а после перевода на английский язык в 1987 г. [Okada 1987], быстро завоевавшую «умы и сердца» ойратоведов и калмыковедов, специализирующихся в области этнической истории.

К началу XXI в. среди них этот труд стал считаться каноническим, а концепция и положения, выдвинутые Х. Окадой, для современных российских ойратоведов и калмыковедов являются опорными, от которых они отталкиваются в проведении своих исследований [см., напр.: История Калмыкии 2009; Калмыки 2010; Буддийская традиция 2015 и др.].

С другой стороны, незнание и плохое знание каких-то деталей могло подвести японских исследователей к неверным выводам. Пример критики одного из японских ученых-ойратоведов Дзюнко Мияваки[1] (ученицы и супруги вышеупомянутого Х. Окады) можно увидеть в статьях известного калмыковеда В. П. Санчирова, который в целом благожелательно оценивал творчество этой исследовательницы, но все же счел необходимым сделать несколько замечаний к ее работам [см., напр.: Санчиров 2000: 113–115; Санчиров 2009: 16].

Госпожа Мияваки-Окада хорошо известна российским монголоведам, в целом, и калмыковедам, в частности, и пользуется среди них заслуженным авторитетом. Результаты некоторых ее исследований (например, сдвиг на 36 лет датировки вторжения Шолой-Убаши-хунтайджи и, соответственно, всей ойрато-халхаской войны, или по истории начала междоусобной войны 1625–1630 гг. за наследство Чин-тайши, приведшей в конце концов к перекочевке торгутов Хо-Орлёга на Волгу и основанию там Калмыцкого ханства) существенно изменили представления ученых о событиях, имевших место в конце XVI — первой трети XVII вв.

Тем не менее, анализируя работы Дз. Мияваки-Окада по истории Джунгарского ханства XVII в., мы сочли возможным обратить особое внимание и подробно разобрать выдвинутую ею концепцию

[1] В отечественной историографии встречаются разные написания имени исследовательницы Мияваки-Окада — *Джунко* или *Дзюнко*, однако в данной статье мы следуем правилам кириллической транскрипции системы Поливанова (*Дзюнко*). Написание *Джунко*, на наш взгляд, возникло в результате прямой кальки с английского варианта имени, записанного в латинской транскрипции системы Хэпбёрна (*Junko*), сделанной людьми, незнакомыми с транскрипцией Поливанова.

о статусе и типе этого государства. Данная концепция была представлена Мияваки-Окада в ряде статей и докладов, в том числе озвученных на международных форумах: «Ойраты в XVII в.: вновь о „Джунгарском ханстве‟» (VI Восточноазиатская алтаистическая конференция — Тайбэй, 1981 г.); «Действительно ли существовало Джунгарское ханство?» (XXXII Международный конгресс востоковедов — Гамбург, 1986 г.); «Калмыцкие тайши в начале XVII в.» (XXIX сессия Постоянной Международной алтаистической конференции — Ташкент, 1986 г.). В качестве опорной для разбора концепции была выбрана наиболее доступная для российских ученых статья Дз. Мияваки-Окада «The so-called Jüün Ghar Khanate never existed» (‘Так называемое Джунгарское ханство никогда не существовало’), переведенная на русский язык известным монголоведом Е. В. Бойковой под названием «Джунгарское ханство, которое не было ханством», более точно отражающим суть этой работы [Мияваки-Окада 1999]. Эта статья почти сразу после поступления в библиотеку нашего научного учреждения стала предметом споров, то затухавших, то разгоравшихся вновь в течение полутора десятилетий.

Японская исследовательница указывает, что среди правителей Джунгарского ханства титул хана от Далай-ламы получил лишь один из них — Галдан Бошигту-хан (являлся ханом в 1678–1697 гг.). Другие правители зюнгарского (джунгарского) государственного образования носили титул «хунтайджи» (*контайши*), «поэтому, скорее всего, следует говорить о Джунгарском *контайшестве*, а не Джунгарском *ханстве*». Исходя из этого, Мияваки-Окада, «называя Джунгарское ханство империей номадов, <…> отрицает существование этого государственного образования как ханства» [Мияваки-Окада 1999: 59]. «Правдивая картина истории Джунгарской империи <…>, — пишет далее японский ученый, — заключалась в том, что во главе союза Четырех ойратов стоял правитель джунгарского племени. У этой империи никогда не было возможности стать таким государственным образованием, которое могло бы называться ханством, из-за деспотичного вмешательства режима далай-ламы в ее внутренние дела» [Мияваки-Окада 1999: 60]. При этом японская исследовательница обратила внимание на то, что в другие годы ханские титулы от Далай-ламы получали правители хошутов Кукунора (Гуши) и торгутов Волги (Аюка). «Режим Далай-ламы пожаловал ханский титул хошоутским правителям, происходившим от Гуши-хана, и правителям торгутских племен, проживавших на Волге. В то же время, более сильным джунгарским правителям было позволено употреблять всего лишь титул хунтайджи. <…> Ни по названию, ни по своей сути Джунгарское ханство, как называл И. Я. Златкин это национально-государственное образование, никогда не существовало ни в XVII, ни в XVIII вв.» [Мияваки-Окада 1999: 71–72]. В англоязычной аннотации, завершающей статью, автор прямо критикует «русскую школу И. Я. Златкина», поскольку «the term *Jüün Ghar Khanate*…, used for that nomadic empire, was a misnomer» [Мияваки-Окада 1999: 72].

Перед разбором данной концепции вкратце осветим геополитическую карту ойратских государственных образований XVII–XVIII вв. В конце XVI — начале XVII вв. на территории современного северного Синьцзяна и юго-восточного Казахстана кочевали несколько этнополитических образований ойратов, правители которых заседали в объединенном сейме — Чулгане. Самыми крупными и сильными были 4 группировки: хошуты Байбагаса, дербеты Далай-Баатра, зюнгары Хара-Хулы, торгуты Хо-Орлёга.

В начале XVII в. дербеты Далай-Баатра и торгуты Хо-Орлёга перекочевали на территорию южной Сибири и восточного Казахстана, где они дали первые шерти (устные клятвы) о подданстве российскому царю в 1607 г. и 1608 г. соответственно. Впрочем, эти шерти, носившие больше символический характер, часто нарушались, и их приходилось давать заново. Дербеты Далай-Баатра кочевали на территории современного восточного и центрального Казахстана, но после его смерти в 1637 г. это объединение распалось. Позже на эту территорию перешли хошуты Кунделен-Убаши (брата Байбагаса), а затем — Аблая (сына Байбагаса), но в 1671 г. это объединение потерпело поражение в борьбе с другими ойратскими группировками и распалось. Остатки объединений Аблая и Кунделен-Убаши перекочевали либо на Волгу, либо в Джунгарию. В последующем опустевшие степи оказались заняты казахскими жузами.

К концу междоусобной войны 1625–1630 гг. (в исследование которой Дз. Мияваки внесла значимый вклад) торгуты Хо-Орлёга перекочевали на Эмбу и Яик (Урал) и в течение нескольких десятилетий подчинили себе ногайцев, проживавших в низовьях Волги. Российское правительство, первоначально выступавшее на стороне своих старых данников-ногайцев, после Переяславской рады 1654 г. и присоединения части Украины к России, для борьбы с Крымским ханством (союзником Польши) решило опереться на кочевников-буддистов и в 1655–1657 гг. предоставило им обширные кочевья по обоим берегам в низовьях Волги в обмен на военную службу. Позже сюда перекочевали группы из других ойратских объединений (дербеты, хошуты, зюнгары, хойты и др.), но до 1771 г. торгуты в этом союзе оставались этническим большинством. На основе этого государственного образования сложилось Калмыцкое (Волжское) ханство в составе Российской империи.

Что касается титулов правителей этого государственного образования, то здесь мы видим следующую картину. Первые правители (Шукур-Дайчин (правил в 1644–1661 гг.) и Пунцуг (правил в 1661–1669 гг.)) получили власть по наследству, без помощи и санкции российского правительства, и ханских титулов не имели. Правда, в историческом сочинении 1737 г. Габан-Шараба говорится о том, что «Богдойн геген Дайчину прислал грамоту и печать на ханское достоинство», но торгутский тайша отказался от них и вернул обратно [Лунный свет 2003: 92]. Об этом же говорится и в анонимной «Истории калмыцких ханов» [Лунный свет 2003: 116–117]. Следующий правитель Аюка (правил в 1669–1724 гг.) также получил власть по наследству и при восхождении на престол ханского титула не имел. Около 1690 г. он испросил ханский титул у Далай-ламы [Бакунин 1995: 26]. Российские власти не сразу, но все же признали за Аюкой ханский титул.

После смерти Аюки российские власти, пытавшиеся ограничить внешнеполитическую деятельность Калмыцкого ханства и все чаще вмешивавшиеся в его внутренние дела, взяли процесс возведения правителей калмыков под свой контроль и даже ввели для них новый титул — «наместник», более низкий, чем хан. Разница между этими титулами была только морально-психологической. Реальный объем силы и властных полномочий от того, являлся правитель Калмыцкого ханства наместником или ханом, никак не зависел. Как правило, через некоторое время наместник за определенные заслуги «повышался в звании» и получал титул хана. Сын Аюки Церен-Дондук в 1724 г. был возведен наместником, а в 1731 г. — ханом, поскольку российское правительство узнало о прибытии в Сибирь китайского посольства с грамотой от Далай-ламы о возведении Церен-Дондука в ханы и решило сыграть на опережение. Внуки Аюки Дондук-Омбо (правил в 1735–1741 гг.) и Дондук-Даши (правил в 1741–1761 гг.) также возводились на престол наместниками, но оказались «повышены» в ханы «в воздаяние подвигов» калмыцкой конницы в русско-турецкой войне 1735–1739 гг. и Семилетней войне (в 1737 г. и 1758 г. соответственно). Правнук Аюки Убаши (наместник в 1761–1771 гг.) также неоднократно отличился в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. и, скорее всего, тоже стал бы ханом. Однако в эти же годы наместник, главенствующий лама и группа нойонов, недовольных вмешательством российских властей во внутренние дела ханства и сокращением его территории, составили заговор и в 1771 г. с ¾ населения откочевали на территорию бывшего Джунгарского ханства, незадолго до этого уничтоженного в результате геноцида, организованного цинскими войсками. При переходе калмыки понесли тяжелые потери, и Убаши по прибытию в Синьцзян пришлось подчиниться китайцам. Титул хана он получил уже от китайского императора. В том же году Калмыцкое ханство упразднили, а оставшиеся улусы подчинили местному губернатору.

В 1637 г. по призыву Далай-ламы V и Панчен-ламы IV (религиозных лидеров буддийской «желтошапочной» традиции Гелугпа) ойраты под руководством хошутского Тору-Байху, больше известного под прозвищем Гуши (брата Байбагаса), вторглись в Тибет и разгромили монгольские войска Цогто-тайджи — сторонников буддийской «красношапочной» традиции Карма-Кагью. За эту победу Далай-лама V наделил Гуши титулом «Тэндзин Чойкьи Гьелпо» (Шажин Баригч Номин-хан — Держатель Веры и Царь Учения) [Шакабпа 2003: 118]. В монголоведении Гуши больше известен по монголоязычной кальке части этого титула — *Номин-хан* (‘Царь Учения’). Также Далай-лама даровал различные титулы другим

ойратским нойонам и сановникам. Видимо, тогда второй по силе предводитель ойратов — зюнгар Баатр (сын Хара-Хулы) — получил от Далай-ламы титул «хунтайджи» с почетным именем «Эрдени», хотя встречаются утверждения о получении этого титула в 1635 г. Гуши, в свою очередь, одарил приближенных Далай-ламы своими титулами «да-лама», «тайджи», «даян» и др., которые тибетские чиновники высших рангов носили вплоть до середины XX в. [История Калмыкии 2009: 298]. Вскоре после этого Гуши Номин-хан с большей частью хошутов и рядом более мелких объединений (например, торгутов Тэнэс-Мерген-Темене) переселился на территорию современного Цинхая, в район озера Кукунор, где основал Кукунорское (Хошутское) ханство, и частично в центральный Тибет. В 1642 г. Гуши Номин-хан передал светскую власть над Тибетом Далай-ламе V.

Что касается титулов, то следует заметить, что ханский титул от Далай-ламы имели не все правители Кукунорского ханства. Перед смертью Гуши Номин-хан (правил в 1638–1655 гг.) разделил власть между двумя сыновьями: старший Даян (получивший титул Очир-хана) стал править в центральном Тибете, а шестой Дорджи-Далай-Батур — на Кукуноре [Лунный свет 2003: 98]. По утверждению Ю. Лыткина — автора первой русскоязычной биографии Гуши Номин-хана, второго кукунорского правителя изначально звали Дорджи, и он получил титул Далай-Батур-тайджи [Лунный свет 2003: 428]. Любопытно, что Габан-Шараб в своем сочинении 1737 г. Дорджи-Далай-Батура называл Далай-хунтайджи [Лунный свет 2003: 98–100]. Впрочем, по мнению большинства востоковедов, правителем Кукунора в 1660 г. стал не шестой, а десятый сын Номин-хана Даши-Батур, ханского титула не получивший [Кычанов, Савицкий 1975: 87]. Преемники Очир-хана (умер в 1668 г.), формально правившие в Тибете, имели ханский титул: Гончиг Далай-хан (правил в 1671–1701 гг.) и его сыновья Ванчжил-хан (правил в 1701–1703 гг.) и Лхавсан-хан (правил в 1703–1717 гг.). По мнению другой японской исследовательницы Юмико Исихама, этот титул автоматически подтверждался Далай-ламой, когда наследники Гуши-хана вступали на престол [Ishihama 1992: 506–507].

Тем временем, правитель Кукунора Даши-Батур, попавший в сферу влияния Китая, в 1697 г. стал вассалом Цинской империи и получил от императора Сюань Е титул цин-вана (принца 1-й степени).

В 1717–1720 гг. джунгарская армия Цэван-Рабдана оккупировала Кукунор и Тибет, но затем объединенные силы китайцев, монголов и тибетцев изгнали ее. После смерти Сюань Е китайцы частично вывели войска с Тибета и Кукунора, и сын Даши-Батура Лувсан-Данджин поднял восстание, пытаясь возродить Кукунорское ханство. Любопытно, что при этом он присвоил себе титул «далай-хунтайджи». Однако восстание было подавлено, а уцелевших в этом регионе ойратов разделили на 28 хошунов (еще 1 хошун был составлен из монголов), которых подчинили контролю китайского губернатора.

Помимо Кукунора, крупные группировки хошутов проживали в районе Алашани (под руководством старшего сына Байбагаса Очирту, удостоенного титула «Цецен-хан») и на территории современного восточного Казахстана (под руководством второго сына Байбагаса Аблая и брата Байбагаса Кунделен-Убаши). Последние, как уже упоминалось выше, в 1671 г. оказались завоеваны соседями и переселились к ним.

После того как большая часть хошутов выселилась на Кукунор, Алашань и восточный Казахстан, большая часть торгутов — на Волгу, большая часть дербетов — на территорию современного Казахстана, зюнгары стали доминировать на территории современного северного Синьцзяна, которая впоследствии даже получила от них свое название — Джунгария. При этом зюнгарское этнополитическое объединение в первой половине XVII в. (в период правления Эрдени-Баатр-хунтайджи и его сына Сэнгэ), хотя и было самостоятельным, но действовало в союзе с хошутами Алашани и восточного Казахстана в качестве младшего партнера. Однако в 1671 г. на джунгарский престол взошел еще один сын Эрдени-Баатр-хунтайджи — Галдан, который взял курс на гегемонию не только в ойратском, но и монгольском мире. Он выступил против алашаньских хошутов и в 1677 г. разгромил Цецен-хана. В 1679 г. Далай-лама V, явно благоволивший своему бывшему ученику, даровал ему титул Бошигту-хана. В результате этого Джунгария стала полностью независимой державой и в течение нескольких десятилетий успешно противостояла экспансии Китайской империи на запад, в том числе в ходе двух цинско-джунгар-

ских войн 1690–1697 гг. и 1715–1739 гг., и потерпела поражение в третьей войне 1755–1759 гг. лишь благодаря предательству Амурсаны. Правители Джунгарии действительно в большинстве своем носили титулы хунтайджи, в том числе и Галдан-Бошигту-хан до принятия ханского титула.

Таким образом, из ряда крупных ойратских этнополитических объединений, расселившихся в XVII в. на обширных степных пространствах от берегов Волги и Дона и до берегов Убсу-нура и Кукунора, только три продолжили существование в XVIII в. и стали известны в мировой историографии как Калмыцкое (или Волжское), Кукунорское (или Хошутское) и Джунгарское ханства.

Теперь перейдем непосредственно к вопросу о том, следует ли Джунгарское ханство считать ханством.

Прежде всего, определимся с термином «ханство». На наш взгляд, этот термин обозначает специфический тип кочевого государства, распространенный в тюрко-монгольском мире. В некоторых случаях термин может быть заимствован соседними кочевыми государствами, созданными другими народами, но ведущими схожий образ жизни (например, Ардаланское ханство). Кроме того, этот термин может сохраняться за тюрко-монгольскими кочевыми государствами, переходящими или перешедшими на оседлый образ жизни (например, Хивинское ханство). Эти ханства могут быть полностью независимыми государствами или входить в качестве полузависимых автономных образований в состав империй (например, Крымское ханство в составе Османской империи или Кокандское ханство в составе Российской империи).

Все три вышеупомянутых ханства, безусловно, были устойчивыми образованиями, просуществовавшими несколько десятилетий или даже больше столетия, и обладали почти всеми основными признаками государства:

- √ собственной территорией (довольно значительной для своего времени);
- √ населением, идентифицировавшим себя в отношениях с чужаками и идентифицируемым соседями как «джунгары», «калмыки» или «хошуты» (хотя этнический состав всех трех ханств не был моноэтничным);
- √ публичным характером власти;
- √ аппаратом управления, пронизывавшим все общество, и чиновничеством, имевшим различные специальности и термины для их обозначения (*тушимэл*, *тусулугчи*, *заргучи*, *яргачи*, *албачи*, *дэмчи*, *бичачи*, *элчи* и т. д.);
- √ армией, доминировавшей на своей территории и способной несколько лет уверенно оперировать на удаленных театрах военных действий (если брать пример Джунгарии, то это Монголия, Тибет, Средняя Азия);
- √ судом (Зарго) и судебным законодательством, единым почти для всех монгольских и ойратских ханств («Ик цааджин бичиг» — «Великое уложение» 1640 г.);
- √ налоговой системой, охватывавшей почти все общество (неслучайно большинство населения этих ханств называлось *албату* — податные);
- √ единым государственным языком и письменностью («тодо бичиг»);
- √ полным или частичным суверенитетом (верховенством власти внутри ханства и независимостью во внешних отношениях с другими государствами).

Даже Калмыцкое ханство, изначально складывавшееся на российской территории (хотя и малоосвоенной) как вассальное государство, обладало частичным суверенитетом. Длительное время, несмотря на многократные запреты и принятые обязательства, принимало и / или отправляло посольства в Турцию, Крымское ханство, Персию, Хивинское ханство, казахские жузы, не говоря уже о Джунгарском ханстве и Тибете. Бывали случаи, когда калмыки нападали на российские деревни и захватывали полон. Последний такой набег под руководством Аюки состоялся в 1683 г. (если не считать походов на подавление башкирского и булавинского восстаний в 1708 и 1709 гг. соответственно, санкционированных российским правительством), а в 1717 г. хан предоставил проводников кубанскому Бахты-Гирею для набега в Пензенский и Симбирский уезды [Бакунин 1995: 26–32].

Приведем такой пример из биографии Церен-Дондука, который считался из всех правителей Калмыцкого ханства наиболее слабовольным и был выбран на престол губернатором А. П. Волынским в нарушение сенатского указа как наиболее оптимальная и управляемая кандидатура. В начале 1728 г. наместник, собрав при поддержке других

нойонов 25-тысячную армию и проигнорировав запреты российских властей, вторгся на территории, принадлежавшие тогда Крымскому ханству, и в упорной 4-дневной битве разгромил кубанских татар. Затем калмыки возвели своего ставленника Бахты-Гирея кубанским султаном и вернулись домой [Очиров 2002: 80]. Фактически вассальное России государство совершило акт агрессии против вассала Османской империи, но никаких репрессий за это калмыки не понесли. Политическая обстановка была такова, что Стамбулу и Бахчисараю пришлось признать Бахты-Гирея правителем кубанских татар.

Верховенство власти хана внутри государства обуславливалось не только законами, присягами и прочими моральными обязательствами, но и тем, что, как правило, ханы контролировали или владели как минимум половиной улусов, а, значит, имели армию, более сильную, чем у других нойонов. Например, в Джунгарском ханстве в середине XVIII в., согласно сведениям из китайских географических описаний, впервые доведенных до русскоязычного читателя Иакинфом Бичуриным, значилось 24 отока из ханского домена общей численностью 88,3 тыс. кибиток, 9 джисаев (Jisa) шабинеров общей численностью 10,6 тыс. кибиток и 21 анги нойонов без указания численности [Бичурин 1991: 70–73]. Учитывая, что ламы традиционно поддерживали правящую власть и что общая численность населения Джунгарии оценивалась в 200 тыс. кибиток, видно, что ее правитель контролировал почти половину кибиток своего государства. Если же взять наиболее слабого правителя (например, того же Церен-Дондука), то по «росписи Барятинского» 1733 г. (самый ранний известный нам документ, в котором указана численность всех улусов Калмыцкого ханства) видно, что накануне мятежа Дондук-Омбо хан вместе с единоутробным братом, матерью и верховным ламой контролировал 25 тыс. кибиток из 66 тыс. [Очиров 2009: 89–93]. Учитывая, что «роспись», сделанная заезжим сенатором и генералом, малознакомым с калмыцкими реалиями, превысила реальную численность калмыцких улусов, как минимум на 9 тыс. кибиток (в том числе 3 тыс. шабинерских), мы можем прийти к выводу, что Церен-Дондук с союзниками контролировал 40 % кибиток. Поражение Церен-Дондука произошло не из-за слабости и малочисленности его улусов, а из-за его личной слабости как политика. Неслучайно он оказался единственным правителем Калмыцкого ханства, низложенным с престола.

Конечно, жители этих ойратских ханств не обладали гражданством, не имели паспортов, герба и государственного флага (хотя боевые знамена были), отсутствовало разделение ветвей власти, но требовать наличия таких признаков (не таких уж важных) от феодального кочевого государства XVIII в., наверно, было бы излишеством. Кочевой образ жизни и экстенсивная экономика, основанная на пастбищном скотоводстве, обусловили особую специфику данного типа государства. Ведь неслучайно при составлении типологии азиатских обществ ее создатели сочли необходимым выделить в качестве отдельной «степную модель». Авторы этой типологии подчеркнули, что в «рамках степной модели присутствовали все „три кита“ азиатского способа производства и восточной деспотии („класс — государство“, „власть — собственность“ и „рента — налог“). Тем не менее все эти три феномена Востока в кочевых государствах и империях имели крайне специфические формы и особые виды реализации» [Непомнин, Иванов 2010: 388].

Если же вести речь только о Джунгарском ханстве, то следует подчеркнуть, что оно чеканило монету, начало заниматься земледелием по инициативе государства, имело центры горнорудного и ремесленного производства (зачатки промышленности). Среди отоков джунгарского хана были группы, собранные не по этническому, а по профессиональному принципу: *алтачины* (золотых дел мастера), *бучины* (мастера огнестрельного оружия), *захчины* (пограничники) и др. [Кукеев 2010]. Сама Дз. Мияваки указывала на то, что джунгарские хунтайджи были более сильными, чем правители Волжского и Кукунорского ханств, имевшие ханский титул [Мияваки-Окада 1999: 71]. Поэтому ее отказ классифицировать Джунгарию как ханство нам представляется неправильным.

Что касается титула «хунтайджи», то здесь мы хотели бы выделить ряд аспектов. Титул «хунтайджи», распространенный только у монгольских народов, происходит от титула «тайджи» (изначально ‘царевич’, ‘принц’), но считается более высоким по сравнению с ним, промежуточным между титулами «хан» и «тайджи». В дальнейшем

титулы «тайджи» и «хунтайджи» претерпели некоторую эволюцию, и, если проводить аналогию с европейской аристократией, то наиболее близкими к ней нам представляются титулы «Prince» (‘князь’) и «Grand Prince» (‘великий князь’) соответственно. В разных ситуациях они могут означать: сына короля, правящего монарха (Монако, например) или почетное звание, не связанное с правлением или владением каким-то феодом. В качестве примеров князей, не входивших в монарший род, можно назвать графа Священной Римской империи А. В. Суворова-Рымникского, князя Италийского (не имевшего владений ни в Римской империи, ни на Рымнике, ни в Италии) или маршала М. Нея, князя Московского[1] (также не владевшего ничем ни в Москве, ни в России).

Эволюция титула царевича в почетное звание, не связанное с родством с правящей династией, было довольно распространенным явлением. Аналогичный пример можно привести и из истории ойратов, когда император Цяньлун даровал титулы и почетные прозвища калмыцким нойонам, откочевавшим в Джунгарию в 1771 г. Если Убаши получил титул хана и почетное «прозвание» «Зоригту» (‘Смелый’), то нойоны были удостоены титулов принцев императорской крови: следующий по влиятельности за Убаши нойон Цебек-Дорджи получил титул «хошо цинь-ван» (принц 1-й степени) и почетное прозвище «Буянту» (‘Добродетельный’). Два нойона стали «доло цзюнь-ван» (принцами 2-й степени), еще два нойона — «доло бэйлэ» (принцами 3-й степени), четверо — «гушань бэйцзы» (принцами 4-й степени), все они также получили различные почетные прозвища. Один нойон получил титул «фу го гун» (принц 6-й степени), еще 6 нойонов стали «тайджи 1-й степени» [Мэн-гу-ю-му-цзи 1895: 144–155]. Аналогичные пожалования титулов делались и другим ойратским феодалам. Например, в 1697 г. 13 кукунорских нойонов получили титулы «цин-ван» (Даши-Батур), «цзюнь-ван», «бэйлэ» и «гуна». В 1672 г. титулы «цзюнь-ван», «бэйлэ» и «бэйсэ» получили три брата джунгарского Цецен-тайджи, свергнутого Галданом. Массовое пожалование титулов принцев было и после перехода армии Амурсаны к китайцам: сам Амурсана стал цинь-ваном, его зять — цзюнь-ваном, а его нойоны — бэйлэ, бэйсэ и гунами [Письменные памятники 2016: 77]. Разумеется, это не означало, что нойоны принимались в ближнюю родню императора или хана и могли претендовать в будущем на престол. Это было лишь почетным званием и не более того.

Кроме того, следует учитывать обстоятельства, при которых происходило вручение титула «хунтайджи». Во второй трети XVII в. зюнгарское этнополитическое объединение действовало в фарватере политики хошутского объединения, поэтому титулы «хунтайджи» для Батура и его сына Сэнгэ лишь фиксировали их положение как вторых лидеров ойратского мира после Гуши Номин-хана и Очирту Цецен-хана. Когда Галдан-хунтайджи разгромил Цецен-хана и стал лидером северной части Центральной Азии, то он получил титул Бошигту-хана. Когда Галдан умер, и его титул «освободился», Тибетом правил *дэси* Сангье Гьяцо, испытывавший дружеские чувства к бывшему ученику Далай-ламы V. Неудивительно, что он предпочел отдать ханский титул Аюке из далекой России, нежели врагу Галдана — его племяннику Цэван-Рабдану. Любопытно, но в одном из ойратских исторических памятников утверждается, что титул «хунтайджи» и почетное прозвище «Чин Зоригту» Цэван-Рабдан получил от Аюки-хана [Письменные памятники 2016: 159]. Когда же умер Аюка и ханский титул вновь «освободился», Тибет уже находился под контролем маньчжурских амбаней. Совершенно очевидно, что в таких условиях злейшие противники Цинов никак не могли рассчитывать на ханский титул от Далай-ламы. Титул «хунтайджи», превратившийся за столетие в традицию, правители Джунгарии стали принимать самостоятельно, по наследству.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что получение ханского титула от Далай-ламы или императора для ойратских правителей де-факто ничего не давало, кроме морального удовлетворения. Де-факто их статус оставался прежним. Если мы обратимся к ойратским историческим хроникам, то увидим, что ряд правителей, не имевших ханского титула от Далай-ламы, именуются там ханами. Мало того, если посмотреть на пример Калмыцкого ханства в составе России, то здесь мы столкнемся с парадоксом:

[1] Правильнее было бы написание *Москворецкого*, поскольку М. Ней получил этот титул за битву под Бородино, известную во французской историографии, как Битва у Москвы [-реки] (Bataille de la Moskova).

в XVII в. его правители (наследники предыдущих правителей), не имея ханских титулов, приходили к власти самостоятельно, российские власти лишь фиксировали этот факт принятием у нового правителя вассальной присяги, а после смерти хана Аюки преемника на его трон стали избирать российские императрицы и Сенат (а то и вовсе местный губернатор). Мало того, российские власти в случае необходимости могли сместить хана, имевшего титул от Далай-ламы (как это было с Церен-Дондуком), и поставить на трон более выгодного для них ставленника с титулом наместника. С другой стороны, после разгрома Джунгарского ханства маньчжурский император пожаловал титулы ханов 4 ойратским нойонам, перебежавшим на его сторону: чоросу Галсан-Дорджи, дербету Церену, хошуту Чагдар-Манджи и хойту Баиру [Письменные памятники 2016: 200], однако в реальности их владения так и не стали ханствами (как и хошун Убаши), поскольку не имели даже частичной автономии.

Таким образом, наличие или отсутствие ханского титула, дарованного Далай-ламой, никак не влияло на деятельность того или иного ойратского государственного образования, кроме получения правителем некоего морального удовлетворения. Ойратские державы, которыми правили ханы, могли оказаться в более глубокой зависимости от империи, а ойратские державы, руководимые правителями без ханского титула, могли десятилетиями воевать с этими империями. Ханский титул (как и титул «хунтайджи») был лишь почетным званием, не дававшим его обладателю никакой дополнительной реальной власти и привилегий. Поэтому при классификации того или иного кочевого государственного образования следует обращать внимание не на титулатуру правителя, а на признаки, подтверждающие его реальность как государства, пусть даже и вассального. Исходя из всего вышеизложенного, мнение Дз. Мияваки о том, что Джунгария никогда не была ханством, следует признать ошибочным.

Неправильным было бы и именование Джунгарии «*контайшеством*», поскольку в мировой историографии соответствующая терминология уже установилась (в которую Джунгария хорошо вписывается), и в создании новых терминов никакой необходимости нет. Если проводить аналогию с Калмыцким ханством, то получается, что его надо переименовать в наместничество, а затем обратно в ханство, в зависимости от титула правителя? С таким же успехом можно было бы называть Китайское государство «*хуандией*», а Японское — «*микадией*», но в мировой историографии они все же именуются империями.

Литература

Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Сочинение 1761 года / вступ. ст. М. М. Батмаева. Элиста: Калмиздат, 1995. 158 с.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд во, 1991. 128 с.

Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: сакральные объекты / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Н. Хишигт, Ц. Энхчимэг. М.: Наука, 2015. 238 с.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 710 с.

Калмыки (серия «Народы и культуры»). М.: Наука, 2010. 568 с.

Кукеев Д. Г. Административное деление и расселение этнических групп в Джунгарском ханстве XVIII в. по данным современной китайской историографии // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 75–83.

Кычанов Е. И., Савицкий Л. С. Люди и боги Страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. М.: ГРВЛ «Наука», 1975. 319 с.

Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.

Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях / пер. с кит. П. С. Попова. СПб.: Паровая Скоропечатня П. О. Яблонского, 1895. VII+487+92+VIII с.

Мияваки-Окада Дж. Джунгарское ханство, которое не было ханством // ALTAICA-III. М.: ИВ РАН, 1999. С. 58–72.

Непомнин О. Е., Иванов Н. А. Типология азиатских обществ. М.: Вост. лит., 2010. 440 с.

Очиров У. Б. Попытки объединения калмыцких и ногайских племен в первой половине XVII века // Вестник института Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 17. Элиста: КИГИ РАН, 2002. С. 77–85.

Очиров У. Б. Роспись князя И.Ф. Барятинского

1733 г. как источник по этнической и демографической истории калмыков // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2009. № 1. С. 87–100.

Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков / сост., пер., предисл., коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 270 с.

Санчиров В. П. Историческое значение Джунгарского съезда монгольских и ойратских князей 1640 года // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 15–19.

Санчиров В. П. Об одной ошибке в истории ойратов XVII в. Послесловие к статье Джунко Мияваки «Калмыцкие тайши в начале XVII века» // ALTAICA-IV. М.: ИВ РАН, 2000. С. 108–120.

Шакапба В. Д. Тибет: политическая история. СПб.: Нартанг, 2003. 432 с.

Ishihama Yu. A study of seals and Titles Conferred by the Dalai Lamas // Proceedings of the 5th Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Vol. 2: Language, History and Culture. Narita: Naritasan Shinshoji, 1992. P. 501–514.

Okada H. Origins of the Dorben Oyirad // Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge. Band 7. 1987. S. 181–211.

References

Bakunin V. M. *Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutskogo, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev: Sochinenie 1761 goda / vstup. st. M. M. Batmaeva* [Description of the Kalmyk peoples, in particular, Torgout people, and deeds of their khans and landlords. 1761. Foreword by M. Batmaev]. Elista, Kalmizdat Publ., 1995, 158 p. (In Russ.).

Bichurin N. Ya. (Iakinf). *Istoricheskoe obozrenie oyratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni. 2-e izd.* [Historic review of the Oirats, or Kalmyks, from the 15th c. to the present time. 2nd ed.]. Elista, Kalm. Book Publ., 1991, 128 p. (In Russ.).

Buddiyskaya traditsiya v Kalmykii i Zapadnoy Mongolii: sakral'nye ob"ekty / E. P. Bakaeva, K. V. Orlova, N. Khishigt, Ts. Enkhchimeg [Buddhist tradition in Kalmykia and Western Mongolia: sacral objects. E. Bakaeva et al.]. Moscow, Nauka Publ., 2015, 238 p.

Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dney: v 3 t. T. 1 [History of Kalmykia from ancient times to the present days: in 3 vol. Vol. 1]. Elista, Gerel Publ., 2009, 710 p. (In Russ.).

Kalmyki (seriya «Narody i kul'tury») [The Kalmyks (series 'Nations and Cultures')]. Moscow, Nauka Publ., 2010, 568 p. (In Russ.).

Kukeev D. G. *Administrativnoe delenie i rasselenie etnicheskikh grupp v Dzhungarskom khanstve XVIII v. po dannym sovremennoy kitayskoy istoriografii* [Administrative division and allocation of ethnic groups within the Dzungar Khanate in the 18th c. according to contemporary Chinese historiography]. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov. Vyp. 2* [Turco-Mongolian peoples: problems of ethnic history and culture]. Elista, Kalmyk Inst. for Humanities (RAS) Press, 2010, pp. 75–83 (In Russ.).

Kychanov E. I., Savitskiy L. S. *Lyudi i bogi Strany snegov. Ocherk istorii Tibeta i ego kul'tury* [People and Gods in the Land of Snows. Sketches on the history and culture of Tibet]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 319 p. (In Russ.).

Lunnyy svet: Kalmytskie istoriko-literaturnye pamyatniki / sost., red., predisl., komment. A. V. Badmaeva [The Moonlight: Kalmyk historical and literary monuments. Comp., edit. and comment. by A. Badmaev]. Elista, Kalm. Book Publ., 2003, 477 p. (In Russ.).

Men-gu-yu-mu-tszi. Zapiski o mongol'skikh kochev'yakh / per. s kit. P. S. Popova [Notes on nomadic territories of the Mongols]. St. Petersburg, P. O. Yablonsky Publ., 1895 (In Russ.).

Miyawaki-Okada J. *Dzhungarskoe khanstvo, kotoroe ne bylo khanstvom* [Dzungar Khanate which was not a khanate]. *ALTAICA-III* [*bulletin*]. Moscow, Institute of Oriental Studies (RAS) Press, 1999, pp. 58–72 (In Russ.).

Nepomnin O. E., Ivanov N. A. *Tipologiya aziatskikh obshchestv* [Typology of Asian communities]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 2010, 440 p. (In Russ.).

Ochirov U. B. *Popytki ob"edineniya kalmytskikh i nogayskikh plemen v pervoy polovine XVIII veka* [Attempts of unification of Kalmyk and Nogai tribes in the first half of the 18th c.]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], No. 17, Elista, 2002, pp. 77–85 (In Russ.).

Ochirov U. B. *Rospis' knyazya I. F. Baryatinskogo 1733 g. kak istochnik po etnicheskoy i demograficheskoy istorii kalmykov* [Prince Baryatinsky's report of 1733 as a source on the ethic and demographic history of Kalmyks]. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov* [Turco-Mongolian peoples: problems of ethnic history and culture],

2009, No. 1, pp. 87–100 (In Russ.).

Pis'mennye pamyatniki po istorii oyratov XVII — XVIII vekov / sost., perevod, predisl., komment. V. P. Sanchirova [Written monuments in the history of Oirats: 17th–18th cc. Comp., transl., comment. by V. Sanchirov]. Elista, Kalmyk Inst. for Humanities (RAS) Press, 2016, 270 p. (In Russ.).

Sanchirov V. P. *Istoricheskoe znachenie Dzhungarskogo s''ezda mongol'skikh i oyratskikh knyazey 1640 goda* [Historical significance of the 1640 Dzungar Congress of Mongolian and Oirat princes]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2009, No. 2, pp. 15–19 (In Russ.).

Sanchirov V. P. *Ob odnoy oshibke v istorii oyratov XVII v. Posleslovie k stat'e Dzhunko Miyavaki «Kalmytskie tayshi v nachale XVII veka»* [About one mistake in the history of Oirats in the 17th c. Concluding remarks to Junko Miyawaki's article 'Kalmyk Pronces in the Early 17th Century']. *ALTAICA-IV* [*bulletin*]. Moscow, Institute of Oriental Studies (RAS) Press, 2000, pp. 108–120 (In Russ.).

Shakapba V. D. *Tibet: politicheskaya istoriya* [Tibet: political history]. St. Petersburg, Nartang Publ., 2003, 432 p. (In Russ.).

Ishihama Yu. A study of seals and Titles Conferred by the Dalai Lamas. Proceedings of the 5th Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Vol. 2: Language, History and Culture. Narita, Naritasan Shinshoji, 1992, pp. 501–514 (In Eng.).

Okada H. Origins of the Dorben Oyirad. Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge. Band 7. 1987, pp. 181–211 (In Eng.).

УДК 94(510.4)

Джунгарское Ханство, которое было ханством: критика одной статьи Дзюнко Мияваки

Уташ Борисович Очиров [1]

[1] доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: ochirovub@kigiran.com

Аннотация. Статья посвящена анализу концепции о статусе и типе Джунгарского ханства, выдвинутой востоковедом Дзюнко Мияваки-Окада, утверждавшей, что Джунгарское ханство никогда не существовало, так как его правители (за исключением Галдан-Бошигту-хана) не получали титула «хан» от Далай-ламы и носили титул «хунтайджи», поэтому Джунгарию следует называть «контайшеством». Автор статьи, опровергая концепцию Мияваки, указывает на то, что титул «хан», выдававшийся ойратским правителям не только Далай-ламой, но и императорами России и Китая, в XVIII в. мог и не иметь за собой реальной суверенной власти и быть лишь почетным званием. Поэтому при классификации кочевого государственного образования как ханства следует обращать внимание не на титулатуру правителя, а на признаки, подтверждающие его реальность как государства, пусть даже и вассального. Анализ в статье показал, что лишь три ойратских государственных образования XVII–XVIII вв. могут быть классифицированы как ханства: Калмыцкое, Кукунорское, Джунгарское, поскольку обладают почти всеми основными признаками государства. Кроме того, следует учитывать, что титул «хунтайджи» лишь первоначально фиксировал положение джунгарских правителей как вторых лидеров ойратского мира после хошутских ханов. После смерти Галдан-Бошигту-хана его преемники не могли рассчитывать на титул хана из-за неприязни к ним сначала тогдашнего правителя Тибета, а затем китайских императоров, установивших контроль над Далай-ламами. Именно поэтому правители Джунгарии стали самостоятельно принимать титул хунтайджи, превратившийся за столетие в традицию.

Ключевые слова: монголоведение, ойратоведение, калмыки, Джунгарское ханство, Дзюнко Мияваки